Ссылка для цитирования этой статьи:

Вильданов Р.Р. Теории легитимности монархии в современном мире // Human Progress. 2026. Том 12, Вып. 7. URL: http://progress-human.com/images/2026/Tom12_7/Vildanov.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2026-7a-18.

ТЕОРИИ ЛЕГИТИМНОСТИ МОНАРХИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Вильданов Руслан Раисович
кандидат политических наук,
доцент кафедры Международных отношений и зарубежной истории,
Уфимский университет науки и технологий,
г. Уфа, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена теориям, легитимизующим существование монархии в современном мире. С помощью различных подходов исследуется положений монархии в современно мире. Автор выделяет три основные модели данной формы правления: абсолютную, сословно-представительную, и ограниченную монархию. Даже в современной монархии, где положение короля описывается фразой «король царствует, но не правит», монарх все равно остается значительной фигурой. Отдельно в статье упоминаются монархи Персидского залива, со свойственным им своеобразием. Подробно описывается положение монархии с точки зрения М. Вебера: традиционной, харизматической, рационально-легально легитимности. Однако сразу отмечается, что чистых моделей легитимности в действительности почти не встречается, имеет место быть феномен гибридной легитимности. Отдельно стоит отметить сакральную основу традиционной легитимности монархии, концепция «божественного права королей».

Ключевые слова: Монархия, король, форма правления, государство, легитимность, М. Вебер, сакральность

Введение

В современном научном дискурсе явно доминируют республиканские идеи, однако взглянув на политическую карту мира, можно заметить, что монархии все равно существуют в XXI веке. Данная форма правления широко представлена как в Европе так и в Азии, и даже в Африке с Океанией.

Возникает резонный вопрос: почему институт монархии зародившийся еще за несколько тысяч лет до нашей эры сохранился в современном мире? Это при том, что в современном мире развиты СМИ, мир стал глобальным, происходят массовые миграции, во многих странах можно констатировать размывание традиционной идентичности. Тем не менее мы видим, что монархии вполне успешно существуют, выполняя самые различны функции. Именно это обуславливает актуальность всестороннего изучения монархии, а также теорий ее легитимности.

Материалы и методы исследования

Институциональный подход к исследованию монархии формирует методологическую основу анализа, трактуя фигуру монарха как основной компонент системы государственного управления. В рамках данного подхода предметом изучения выступают нормативно-правовые основания функционирования монархии в частности, Конституция, законодательные акты, регламентные документы и закреплённые прерогативы, регламентирующие статус главы государства.

Бихевиоральный подход исследует фактическое поведение политических акторов. Он предполагает изучение действий и публичных высказываний монарха и его окружения. Особую ценность для исследователей этот подход приобретает при исследовании чрезвычайных полномочий короны, которые используются в периоды политической нестабильности. Это позволяют раскрыть реальный объём влияния монарха.

Сравнительный метод позволяет выявлять специфические особенности конкретных монархий. Потенциал данного метода реализуется через сравнение поведений монархов в различных политических ситуациях, что позволяет оценить их потенциал.

Исторический подход рассматривает монарха и его роль в политической системе в долгосрочном периоде. В данном методе используется ретроспективный анализ. Например, рассматривается путь пройденный государства от абсолютной монархии к конституционной.

Результаты исследования

Следует подчеркнуть, что монархия не представляет собой статичную и неизменную форму правления: на протяжении тысячелетий в различных государствах сформировался широкий спектр различных ее моделей.

Базовой основой типологизации монархий традиционно выступают несколько классификационных критериев. Ключевым из них признаётся объём и характер властных полномочий монарха – именно этот параметр детерминирует его фактическую роль в

механизме государственного управления [3]. В качестве второго значимого критерия рассматривается способ обретения власти (наследственный или же выборный), а третьим выступает степень и форма взаимодействия монарха с иными политическими институтами – прежде всего с представительными органами власти.

В исторической ретроспективе можно выделить три основополагающие формы. Абсолютная монархия представляет собой модель, в рамках которой власть суверена не подвергается никаким ограничениям и трактуется как ниспосланная Богом [4]. В данной системе монарх концентрирует в своих руках полный объём законодательной, исполнительной и судебной власти. При этом остается дискуссионным вопрос, о том, являлось ли российское самодержавие в полной мере абсолютной монархией [10].

Следующим этапом институциональной эволюции выступает сословно-представительная монархия. В рамках этой модели власть монарха вынуждена учитывать интересы ключевых социальных групп: аристократии, духовенства и городского сословия, представленных в специальных совещательных органах таких как: Рейхстаг, Генеральные штаты, Риксдаг, Кортесы [8]. В Московском царстве сословно-представительным органом был Земский Собор.

Позднее на рубеже XIX и XX абсолютная монархия трансформируется в дуалистическую. Это стало возможным в результате уступок, и революционных потрясений в Европе XIX и XX веков. Отличительной чертой дуалистической монархии является разграничение властных полномочий. Чаще всего монарх сохранял контроль над исполнительной властью и значительный объём управленческих полномочий. Законодательные функции в данной модели закрепляются за парламентом. Следует отметить, что такое распределение компетенций вызывало острую политическую конкуренцию между двумя центрами власти. Как например это было в Российской империи в 1906-1917 гг. [7].

Итогом процессов демократизации и развития парламентаризма стала эволюция монархии. И как результат этой эволюции появление ограниченной, парламентской (конституционной) монархии, ныне являющейся основной формой монархии в современном мире. Её концептуальную основу составляет принцип «монарх царствует, но не правит». Это означает, что осуществление исполнительной власти возлагается на правительство, формируемое парламентом. Правительство несёт перед парламентом ответственность, и должно отчитываться перед ним о своей деятельности [14].

Сравнительный анализ современных парламентских моделей монархии позволяет отметить, что полномочия монарха преимущественно символические и церемониальные.

Монарх выполняет функции надпартийного арбитра, гаранта политической стабильности и символа национальной идентичности.

Важно при этом заметить, что представления о монархе в парламентской монархии как полностью лишённом властных полномочий, являются методологически некорректным [2]. Реальная же политическая значимость монарха в современных парламентских монархиях проявляется не в обыденном управлении, а в ходе политических кризисов. Когда требуется нейтральный арбитр, способный обеспечить устойчивость государственного механизма, сохранить само государство [13].

Даже в периоды политического затишья, монарх является значимым участником политических процессов. Важное преимущество монарха, даже в парламентской монархии, в степени информированности о политике кабинета министров. В условиях политической нестабильности, смены правительств, монарх, особенно много лет уже царствующий, может быть более компетентным чем вновь избранные политики.

Отдельного изучения заслуживают абсолютные монархии стран Персидского залива (ОАЭ, Оман, Катар). Устойчивость данных государств обусловлена целым комплексом факторов: значительными нефтегазовыми доходами, патриархально-клановой структурой общества. А также вполне целенаправленной социальной политикой, обеспечивающей поддержку власти обществом [11].

Обсуждение

Обобщая выявленные тенденции, можно констатировать, что эволюция монархической формы правления характеризуется смещением акцента с модели неограниченной власти на модель монарха-символа. Сохранение легитимности в современных условиях требует от монархии адаптации к демократическим стандартам, вызовам глобализации и медийной открытости. В результате институт монархии всё реже ассоциируется с механизмами принуждения и всё чаще выполняет функции хранителя исторической памяти, символа национального единства и гаранта институциональной стабильности в условиях социально-политической динамики [5]. Теоретический анализ легитимности монархии целесообразно осуществлять в рамках типологии М. Вебера, позволяющей раскрыть характер обоснования власти в монархических системах [6]. В рамках данной модели в монархии одновременно реализуются все три идеальных типа легитимности:

Традиционная легитимность базируется на устоявшихся обычаях и нормах наследования власти. Для монархии данный тип выступает фундаментальным основанием легитимности: наследственный принцип, ритуально-символические практики и апелляция к

исторической преемственности, легитимирующую сам институт вне зависимости от текущей эффективности управления.

Харизматическая легитимность актуализируется в чрезвычайных условиях и опирается на восприятие монарха как исключительной фигуры, способной обеспечить стабилизацию системы в кризисной ситуации. Личный авторитет правителя, его способность выступать в роли национального лидера в моменты потрясений дополняют традиционную основу легитимности.

Рационально-правовая легитимность отражает институционализацию монархии в современном конституционном пространстве. Легитимность в данном случае проистекает из признания законности установленных процедур и правил функционирования института: чёткой регламентации полномочий монарха, встраивания монархического института в систему разделения властей. В парламентских монархиях именно рационально-правовой компонент определяет повседневные рамки деятельности монарха [15].

Проведенный анализ показывает, что указанные типы легитимности не противоречат друг другу, а образуют гибридную легитимность. Например для британской монархии традиционная легитимность задаёт ценностно-нормативную основу института, рационально-правовые механизмы регламентируют его функционирование в рамках конституционной системы, а в периоды национальных кризисов актуализируется харизматический ресурс монарха как символа национального единства. Например, в монархиях Персидского залива традиционная легитимность, основана на патриархально-религиозных нормах. Сейчас же она дополняется рационально-правовыми элементами, такими как формализация институтов, закрепление правовых статусов. И отдельно можно отметить харизматический компонентом, связанный с авторитетом правящей династии [1].

Важным составляющим элементом концепции традиционной легитимности являлась доктрина «божественного права». Она в различных вариациях встречалась в разных частях света. Сакрализация власти монарха осуществлялась с помощью религиозных ритуалов, наделявших монарха исключительными полномочиями, передником между Богом и подданными.

Кроме типологии легитимности М. Вебера сохранность и устойчивость монархий в современном мире можно объяснить также через функции, выполняемые самим монархом в обществе.

На сегодняшний день одна из ключевых функций монарха это выступать в роли надпартийного арбитра и национального символа, который способствует сплочению нации. В

данных условиях монарх выступает как фигура, находящаяся вне партий и политических противостояний. Поэтому он не ассоциируется с какой-либо конкретной политической силой. В современном мире монархии ориентированы на функцию консолидации общества [13]. Хотя стоит отметить, что личность монарха, его поведение, ка и поведение членов монаршей семьи может служить причиной широких общественных обсуждений.

Данный функционал получил теоретическое обоснование в рамках институциональной теории, например, в связи политических институтов и дальнейшего пути развития страны. Монархия как один из древнейших политических институтов страны органически связана с правовой, административной и культурно-символическую структурой общества. Поэтому ликвидация монархии вызовет серьезные изменения. Изменение формы правления требовало бы внесения изменений в конституционные акты, перестройки государственных символов, традиционных ритуалов и часто даже изменения основных элементов национальной идентичности [12]. Исторический опыт государств, переживших революционные перемены, например, Франции и России, показывает, что разрыв с монархической традицией нередко влечёт за собой глубочайшие социальные потрясения. Результатом оказывается продолжительный период легитимационного вакуума.

Монархия, во многих странах воспринимается как институт исторических традиций, преемственности и связи поколений. Как один из столпов национальной идентичности, как например в Японии. Эта функция особо актуальна в государствах со сложным административно-территориальным делением, разнородным этническим составом. Например, в Бельгии и Соединенном королевстве, личность монарха во многом способствует консолидации нации, преодолевая региональные и этнокультурные различия.

В XXI веке монархии сталкиваются с новыми вызовами, требующими новых оснований для ее легитимности. Для этого широко используется политика мягкой силы. Королевские семьи, и прежде всего британская королевская семья, превратилась в национальные бренды. События из жизни королевской семьи, такие как коронации, венчания, рождение новых членов, религиозные церемонии уже давно превратились в события национального, и даже глобального масштаба привлекающие туристов. Это позволяет монархии создавать позитивный имидж королевской семьи и государства в целом, привлекать туристов и инвестиции. Также монархии активно участвуют в публичной дипломатии, осуществляя неформальные контакты, как со своими коллегами (родственниками) их других стран, так и с профессиональными политиками.

Вместе с тем данный вектор развития сопряжён с определёнными рисками: чрезмерная коммерциализация символического капитала способна привести к девальвации сакрального

статуса монархии, редуцируя её к формату медийно-развлекательного продукта. Однако, можно констатировать возникновение парадоксального эффекта: публичная экспозиция личных драм и скандальных эпизодов ведёт к эрозии ореола сакральности, традиционно выступавшего одним из ресурсов монархической легитимности [9]. Таким образом, рост информационной прозрачности обладает амбивалентным воздействием, сочетая элементы демократизации образа власти с риском утраты её символической исключительности.

При этом следует учитывать культурно-институциональную вариативность реализации данной модели. В обществах с устоявшимися демократическими традициями акцент на служении интерпретируется преимущественно в гражданско-правовой парадигме. В арабских монархиях аналогичный функциональный вектор реализуется в иной символической системе координат — через апелляцию к религиозным нормам и патриархально-патерналистским моделям взаимодействия власти и общества [1].

Выводы

На основании проведенного анализа, можно констатировать, что устойчивость монархической формы правления сложно описать в рамках какой то одной модели. Это объясняется гибридной природой современной монархии. Современная монархия не должна рассматриваться как архаичный и отживший институт, сохраняющийся исключительно в силу традиций, напротив монархии проявили гибкость и приспособляемость к новым политическим реалиям. Легитимность современной монархии базируется на 3 компонентах: традициях, обеспечивающих историко-культурную преемственность; рационально-правовом обосновании, институционализированном в законодательстве, в частности в Конституциях; а также инструментах мягкой силы.

Эволюция монархии прослеживается как переход от сакральной модели властвования, основанной на концепции божественного права, к интегративной конструкции, сочетающей традиции, правовые нормы и механизмы публичной дипломатии. Ключевым ресурсом устойчивости данного института выступает не репрессивный потенциал, а способность предложить населению идею политической стабильности и оперативно адаптироваться к изменяющимся социально-политическим условиям при сохранении своей исторической идентичности.

Список литературы

1. Адрианов А.К. Племена как негосударственные акторы в арабских монархиях Персидского залива на современном этапе (на примере ОАЭ) / А.К. Адрианов //

Международная аналитика. 2024. Т. 15, № 3. С. 70-90– DOI 10.46272/2587-8476-2024-15-3-70-90. EDN XVEPUN.

2. Бейджхот У. Английская конституция / У. Бейджхот; перевод с английского под редакцией А.В. Куряева. Москва: Социум, 2020. 298 с.

3. Богатырев В.В. Сравнительно-правовой анализ восточных и западных монархий в современном мире / В.В. Богатырев, Д.В. Кизявка // Вестник Владимирского юридического института. 2024. № 1 (70). С. 23-29. EDN FOSEWG.

4. Бредихин А.Л. Монархии как формы правления: генезис и перспективы / А.Л. Бредихин // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э.А. Дидоренко. 2023. № 1 (14). С. 14-20. EDN QAYTFJ.

5. Бурдье П. О символической власти // Социология социального пространства / П. Бурдье; пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С. 87–96.

6. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.

7. Вильданов Р.Р. Специфика политического строя Российской империи в начале XX века / Р.Р. Вильданов // Евразийский юридический журнал. 2014. № 3 (70). С. 201-203. EDN RZVZQF.

8. Вильданов Р.Р. Представительный орган власти в Российской империи: проекты XIX - начала XX в / Р.Р. Вильданов // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4 (20). С. 75-77. EDN PJZEZB.

9. Монархический конституционализм в условиях глобальной трансформации: адаптивные механизмы и институциональные парадоксы централизованных и децентрализованных моделей (на примере Саудовской Аравии и ОАЭ) / С.Ю. Поярков, В.В. Гончаров, Л.А. Спектор, С.В. Безуглов // Административное и муниципальное право. 2025. – № 5. С. 73-89. DOI 10.7256/2454-0595.2025.5.76505. EDN HLIRPJ.

10. Мухин О.Н. Абсолютизм vs самодержавие: еще раз к дефиниции понятий / О.Н. Мухин // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 2 (130). С. 142-149. EDN PYABBN.

11. Сардарова М.А. Источники легитимности арабских монархий / М.А. Сардарова // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2020. № 3 (25). С. 155-169. EDN TGXQFU.

12. Травин Д.Я. Европейская модернизация: в 2 книгах / Д.Я. Травин, О.И. Маргания. Москва: АСТ, 2020. 704 с.

13. Федорова-Кузнецова И.В. Монархическая система власти в современном мире и ее особенности / И.В. Федорова-Кузнецова // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 9 (74). С. 35-38. DOI 10.24158/pep.2019.9.5. EDN YWDJXI.

14. Цыбаков Д.Л. Парламентско-монархические институты современных европейских государств: перспективы и трансформации / Д.Л. Цыбаков // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. Т. 12, № 5. С. 126-135. DOI 10.21869/2223-1501-2022-12-5-126-135. EDN YGDENS.

15. Чиркин В.Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник / В.Е. Чиркин. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. 688 с.

THEORIES OF THE LEGITIMACY OF MONARCHY IN THE MODERN WORLD

Vildanov Ruslan Raisovich
Candidate of Political Sciences,
Associate Professor at the Department of International Relations and Foreign History,
Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russian Federation

Annotation. The article is devoted to theories that legitimize the existence of monarchy in the modern world. Various approaches are used to examine the position of monarchy in the modern world. The author identifies three main models of this form of government: absolute, estate-representative, and limited monarchy. Even in a modern monarchy, where the king's position is described by the phrase "the king reigns, but does not rule," the monarch remains a significant figure. The article also mentions the monarchies of the Persian Gulf, with their characteristic uniqueness. The position of the monarchy is described in detail from the perspective of M. Weber: traditional, charismatic, and rational-legal legitimacy. However, it is immediately noted that pure models of legitimacy are almost non-existent in reality; the phenomenon of hybrid legitimacy is observed. It is also worth noting the sacred basis of the traditional legitimacy of the monarchy, the concept of the "divine right of kings."

Key words: Monarchy, king, form of government, state, legitimacy, M. Weber, sacrality

References

1. Adrianov A.K. Tribes as Non-State Actors in the Arab Monarchies of the Persian Gulf at the Present Stage (The Case of the UAE) / A.K. Adrianov // International Analytics. 2024. Vol. 15, No. 3. pp. 70–90. DOI 10.46272/2587-8476-2024-15-3-70-90. EDN XVEPUN.
2. Bagehot W. The English Constitution / W. Bagehot; translated from English, edited by A.V. Kuryaev. Moscow: Socium, 2020. 298 p.
3. Bogatyrev V.V., Kizyavka D.V. A Comparative Legal Analysis of Eastern and Western Monarchies in the Modern World / V.V. Bogatyrev, D.V. Kizyavka // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2024. No. 1 (70). pp. 23–29. EDN FOSEWG.

4. Bredikhin A.L. Monarchies as Forms of Government: Genesis and Prospects / A.L. Bredikhin // Bulletin of the E.A. Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs. 2023. No. 1 (14). pp. 14–20. EDN QAYTFJ.
5. Bourdieu P. On Symbolic Power // Sociology of Social Space / P. Bourdieu; translated from French; translation edited by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 2007. pp. 87–96. 6. Weber M. Politics as a Vocation // Selected Works / M. Weber; translated from German; compiled, edited, and with an afterword by Yu.N. Davydov. Moscow: Progress, 1990. pp. 644–706.
7. Vildanov R.R. Specifics of the Political System of the Russian Empire in the Early 20th Century / R.R. Vildanov // Eurasian Law Journal. 2014. No. 3 (70). pp. 201–203. EDN RZVZQF.
8. Vildanov R.R. Representative Bodies of Power in the Russian Empire: Projects from the 19th to the Early 20th Century / R.R. Vildanov // Tomsk State University Journal of History. 2012. No. 4 (20). pp. 75–77. EDN PJZEZB.
9. Monarchical Constitutionalism Amidst Global Transformation: Adaptive Mechanisms and Institutional Paradoxes of Centralized and Decentralized Models (Case Studies of Saudi Arabia and the UAE) / S.Yu. Poyarkov, V.V. Goncharov, L.A. Spektor, S.V. Bezuglov // Administrative and Municipal Law. 2025. No. 5. pp. 73–89. DOI 10.7256/2454-0595.2025.5.76505. EDN HLIRPJ.
10. Mukhin O.N. Absolutism vs. Autocracy: Revisiting the Definitions of the Concepts / O.N. Mukhin // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2013. No. 2 (130). pp. 142–149. EDN PYABBN.
11. Sardarova M.A. Sources of Legitimacy for Arab Monarchies / M.A. Sardarova // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. Russia and the World. 2020. No. 3 (25). pp. 155–169. EDN TGXQFU.
12. Travin D.Ya. European Modernization: in 2 books / D.Ya. Travin, O.I. Marganiya. Moscow: AST, 2020. 704 p.
13. Fedorova-Kuznetsova I.V. The Monarchical System of Power in the Modern World and Its Features / I.V. Fedorova-Kuznetsova // Society: Politics, Economics, Law. 2019. No. 9 (74). pp. 35–38. DOI 10.24158/pep.2019.9.5. EDN YWDJXI.
14. Tsybakov D.L. Parliamentary-Monarchical Institutions in Modern European States: Prospects and Transformations / D.L. Tsybakov // Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2022. Vol. 12, No. 5. pp. 126–135. DOI 10.21869/2223-1501-2022-12-5-126-135. EDN YGDENS.
15. Chirkin V.E. Constitutional Law of Foreign Countries: A Textbook / V.E. Chirkin. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. 688 p.